

В.И. Коровин

«Дума»

В современном мире поэт не видит энергичных, страстных людей. Знаменитая элегия «Дума» прозвучала сухим проклятием, реквиемом, похоронной песнью потерянному поколению. Трусость объявляется причиной рабства, а рабство — следствием бездействия. Свойства поколения, сами по себе ничтожные, беспощадно обнажены. Лермонтов стремился сохранить сдержанную сосредоточенность и не дать волю эмоциям, которые переполняли его. Но за этой сдержанностью чувствуется негодование, которое временами вырывается наружу в откровенно оценочных эпитетах: «постыдно равнодушны», «позорно малодушны», «презренные рабы». Внутри единой и цельной поэтической мысли живет напряженный конфликт между сдержанностью тона и взволнованностью, о чем сказано в лермонтовских же стихах:

И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

Каждая фраза, каждая часть завершены, причем эта завершенность подчеркнута поэтическими формулами, тяготеющими к афористичности («Печально я гляжу на наше поколение!», «К добру и злу постыдно равнодушны...», «И ненавидим мы, и любим мы случайно...» и др.). Но каждая законченная в смысловом и интонационном значении часть не вмещает всей авторской эмоции, которая как бы разрывает их рамки.

Автор использует многозначность слов, что усиливает их смысловую выразительность. Например, слово «состарится» («В бездействии состарится оно») означает не только старость физическую, но и старость духовную. Точно так же «ровный путь без цели» — не ровная гладкая накатанная дорога, а эмоциональный знак равнодушия, апатии, отсутствия жизненных тревог, взлетов и падений. Слово «случайно» в контексте «Думы» почти лишено прямого смысла. «Случайно» означает здесь («И ненавидим мы, и любим мы случайно...») «общественно не обусловлено». «Случайность» — это утрата идеалов, жизненных и нравственных ценностей и критериев оценки. Благодаря выделению отдельных слов и выражений привычные романтические метафоры и формулы («старость души», «жизнь — путь» и др.) наполняются в стихотворении новым эмоционально-смысловым содержанием.

Поэтическая мысль стихотворения развивается от элегии к «высокой» сатире, близкой к оде, но только насыщенной горькой и скорбной иронией. Эта ирония подчеркивает трагизм ситуации и ее неразрешимость, безысходность.

Основную эмоционально-смысловую нагрузку в первой части несут слова, традиционные для элегического романтизма: «печально», «состарится», «томит», «вянем». Другой стилистический пласт — слова философского и отчасти общественно-политического содержания: «познавья», «сомненья», «бездействии», «добру», «злу», «борьбы», «властию», «рабы». Они придают элегии характер философского размышления. На этом фоне интонационно выразительно звучат слова ораторского стиля: «постыдно», «позорно», «презренные». Они подготавливают высокую романтическую ноту:

Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Во второй части заметен новый лексический пласт и связанная с ним новая интонационная окраска стиха. Слова ораторского стиля отсутствуют. Выразительный эффект

достигается игрой поэтических и прозаических оборотов — «мечты поэзии», «создания искусства», «восторгом сладостным», «чаши наслажденья». Сюда же нужно отнести употребление контрастных понятий и слов («ненавидим» — «любим», «ни злобе» — «ни любви», «холод» — «огонь», «забавы» — «разврат», «спешим» — «назад», «к гробу» — «насмешливо», «царствует», то есть величаво-спокойно господствует, — «кипит»). Лермонтов последовательно снимает покров романтики с поколения.

В последней части вновь появляются слова ораторского стиля в сочетании с лексикой, носящей философский оттенок («ни мысли плодovitой», «ни гением начатого труда», «судья», «граждани духовного напряжения. В этом заключается его общественная трагедия. Однако моральная опустошенность поколения по контрасту вызывает представление о высоте лермонтовских запросов к жизни и глубине его понимания современности. Сочетание в «Думе» различных стилистических пластов, смена интонаций свидетельствует о жанровом своеобразии стихотворения. В «Думе» совмещены признаки различных жанров — «унылой» и философской элегии, гражданской оды, высокой сатиры. Содержание стихотворения не вмещается в границы какого-либо одного жанра. Гражданская тема становится глубоко личной, но зависимой не от заранее predetermined настроя души лирического героя, а от его взгляда на мир. Это и придает стихотворению цельность и завершенность. Следовательно, тема стихотворения и его стиль не обусловлены жанрами оды или элегии. Стало быть, Лермонтову уже не свойственно жанровое мышление. Он, подобно Пушкину, мыслит уже не жанрами и их признаками, а стилями. Этот переход от мышления жанрами к мышлению стилями характеризует развитие русской литературы от начала XIX века к его концу.

Нетрудно заметить, что сложность лермонтовской позиции в «Думе» заключается в том, что поколение осуждается личностью, которая не отделяет себя от поколения. Лермонтов чувствовал, что и он заражен неверием в лучшее, что и его чувства становятся холодными, что и он не надеется на счастье.